

С.П.Мельгунов

**Мартовскіе Дни
1917 года.**

Текстъ в старой орѳографіи
по парижскому изданію 1961 года

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В.З.

<http://boomzoomer.livejournal.com>

Предисловіе П. Мельгуновой.

Работа С.П. Мельгунова "Мартовскіе дни" полностью выходит нынѣ впервые. Законченная в годы послѣдней міровой войны, книга эта была проредактирована самим автором. Только часть ея появилась в тетрадях "Возрожденія" (1950- 1954 г.)

Книга печатается по старой орфографіи, так как вышедшія раньше в издательствѣ "Возрожденіе" послѣдующія части тетралогіи были напечатаны по старой орфографіи.

П. Мельгунова.

1961 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РЪШАЮЩАЯ НОЧЬ [1]

Днем 2-го марта, на перманентном митингѣ в Екатерининском залѣ Таврическаго дворца лидер думскаго прогрессивнаго блока и идейный руководитель образовавшагося 27-го февраля Временнаго Комитета членов Гос. Думы, Милюков сказал: "старый деспот, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен". Почти в тот же час в Псковѣ, под давленіем верховнаго командованія в Ставкѣ, "старый деспот" подписал своё отреченіе от престола, окончательно оформленное вечером того же дня в момент приѣзда "думской" делегаціи в лицѣ Гучкова и Шульгина. Таким образом отреченіе Государя "формально" не было "вынужденным" — устанавливает в своих воспоминаніях Набоков, выдающійся русскій юрист, которому суждено было сдѣлаться первым управляющим дѣлами революціоннаго Временнаго Правительства.

Насколько, однако, формальная юридическая сторона соответствовала реальной обстановкѣ, создавшейся в Петербургѣ и являвшейся рѣшающим

фактором в ходѣ революціи? Это совсѣм не праздный вопрос, ибо отвѣтъ на него опредѣляет собою двѣ совершенно отличныя друг от друга психологіи в кругѣ лиц, объединившихся около Временнаго Комитета Г. Д. и одновременно появившагося на ряду с ним Совѣта Р. и С. Д., т. е. тѣх учреждений, которыя обстоятельства поставили в тѣ дни как бы "во главѣ" политической жизни страны. Для одних Николай II добровольно отречся от престола, для других он был низложен — его отреченіе было "вынуждено", и добровольный отказ от власти, затушеванный в сознаниі современников, означал лишь то, что Император фактически не был свергнут насильственным путем, т. е. революціонным актом возставшаго народа. Формально добровольное отреченіе неизбѣжно накладывало извѣстныя моральныя обязательства на тѣх, кто стремился добиться этого отреченія и кто его принял; такого моральнаго обязательства могли не ощущать тѣ, кто не принимал участія в реализаціи плана сохраненія династіи путем устраненія лично дискредитированнаго монарха: для них исходным пунктом мог быть только вопрос о цѣлесообразности — так, как он представлялся тогда в пониманіи дѣйствовавших лиц.

Для того, чтобы уяснить себѣ роковыя противорѣчія, которыя выявились в первые дни революціи в силу недостаточно продуманных и ad hoc осуществленных политических замыслов, необходимо проанализировать всю сложную и запутанную обстановку того времени. Никто как-то не отдавал себѣ яснаго отчета в этих противорѣчіях тогда, когда закладывался фундамент строительства новой Россіи.

Нам нѣтъ необходимости в хронологической послѣдовательности воспроизводить событія первых февральско-мартовских дней, что сдѣлано уже с достаточной полнотой и отчетливостью в "Хроникѣ февральской революціи", составленной Заславским и Канюровичем (1924 г.) и в работѣ ген. Мартынова[2] "Царская армія в февральском переворотѣ" (1927 г.) К этим фактам мы будем обращаться лишь попутно, комментируя то или иное создавшееся положеніе. Прежде всего попытаемся возстановить картину отвѣтственных переговоров, которые в ночь с 1-го на 2-е марта происходили между Временным Комитетом Гос. Д. — "цензурой" общественностью по тогдашней терминологіи, и делегатами Исп. Ком. Совѣта, заявившаго

"претензію" представлять демократію[3]. Эта была поистинѣ рѣшающая ночь, и здѣсь завязался узел послѣдующей трагедіи русской революціи. Между тѣм возстановить болѣе или менѣе точно то, что происходило в указанную ночь, историку очень трудно. В нашем распоряженіи нѣтъ почти никаких документальных данных. В суматохѣ первых дней и ночей никто никаких протоколов не вел: отсутствует и газетный репортаж, подчас замѣняющій своим суррогатом протокольную запись — в "Извѣстіях", которыя издавал Комитет думских журналистов, нельзя отыскать никаких намеков на суть переговоров. Остаются воспоминанія, т. е. показанія современников, которыя должны помочь историку в данном случаѣ не только в "оцѣнкѣ подробностей" (Маклаков), но и в установкѣ первооснов. Значеніе этого субъективнаго самаго по себѣ источника познанія прошлаго в данном случаѣ безконечно преуменьшается не только при внесеніем послѣдующих настроеній, весьма отличных от подлинных авторских настроеній первых дней революціи, но и тѣм, что пелена тумана безсознательно для мемуариста застилает его память о том, что происходило в безсонныя ночи и сумбурные февральскіе и мартовскіе дни.

Нѣсколько мемуаристов уже коснулись исторической ночи с 1-го на 2-е марта. Казалось, можно было положиться на текст Милюкова, так как первый том его "Исторіи", приближающейся к воспоминаніям, написан был в Кіевѣ в 18-ом году в період политическаго полубездѣлія автора. Память мемуариста не застлана была еще его позднѣйшей политической эволюціей, и, таким образом, ему нетрудно было по сравнительно свѣжим впечатлѣніям воспроизвести исторію переговоров между членами Думы и совѣтскими делегатами, в которых автор принимал самое непосредственное участіе — тѣм болѣе, что в показаніях перед Чрезвычайной Сл. Комиссіей (7 августа 17 г.) Милюков засвидѣтельствовал, что им были проредактированы и исправлены "неточности", имѣющіяся в готовившейся Временным Комитетом Г. Д. к изданію книгѣ, гдѣ было дано "точное описаніе день за днем, как происходило". (Я никогда не видѣл этой книги и нигдѣ не встрѣчал ссылок на нее — надо думать, что она в дѣйствительности не была издана). И, тѣм не менѣе, суммарное изложеніе Милюкова с большими фактическими ошибками не дает нужных отвѣтов...

Имѣются и воспоминанія Керенскаго, но только во французском изданіи его "Революціи 17 г.". Внѣшне мемуарист хочет быть очень точным. Им указываются даже часы отвѣтственных рѣшеній в эти дни. Но это только внѣшняя точность, ибо даты безнадежно спутаны (выпустив книгу в 28 году, автор, слѣдуя установившимся плохим традиціям многих мемуаристов, не потрудился навести соотвѣтствующія справки и повѣствует исключительно по памяти). Память Керенскаго так же сумбурна, как сумбурны сами событія, в которых ему пришлось играть активнѣйшую роль, когда он падал в обморок от напряженія и усталости и когда, по его собственным словам, он дѣйствовал как бы в туманѣ и руководствовался больше инстинктом, нежели разумом. При таких условіях не могла получиться фотографія того, что было в 17 г. (на это Керенскій претендовал в своих парижских докладах). Нѣтъ ничего удивительнаго, что тогда у него не было ни времени, ни возможности вдумываться в происходившія событія. В воспоминаніях он пытается объяснить свое равнодушіе к программным вопросам тѣм, что никакія программы не могли измѣнить ход событій, что академическіе споры не представляли никакого

интереса, и что в силу этого "Он не принимал в них участія... Поэтому все самое существенное прошло мимо сознанія мемуариста, самоутѣшающагося тѣм, что событія не могли идти другим путем, и даже издѣвающагося над несчастными смертными (« Pauvres êtres humains »), которые думают по иному.

Еще меньше можно извлечь из воспоминаній Шульгина "Дни", которым повезло в литературѣ, и на которыя так часто ссылаются. Воспоминанія Шульгина — "живая фотографія тѣх бурных дней" (отзыв Тхоржевскаго) — надо отнести к числу полу-беллетристических произведеній, не могущих служить канвой для историческаго повѣствованія: вымысел от дѣйствительности не всегда у него можно отдѣлать, к тому же такого вымысла, сознательнаго и безсознательнаго, слишком много — автор сам признается, что впечатлѣнія от пережитого смѣшались у него в какую-то "кошмарную кашу". Воспоминанія Шульгина могли бы служить для характеристики психологических переживаній момента, если бы только на них не сказывалась так опредѣленно дата — 1925 год. Тенденціозность автора просачивается через всѣ поры[4].

Болѣ надежными являются "Записки о революціи" Суханова, гдѣ наиболѣе подробно и в хронологической послѣдовательности изложены перипетіи, связанныя с переговорами в ночь на 2-ое марта. Большая точность изложенія объясняется не только свойствами мемуариста, игравшаго первенствующую роль со стороны Исп. Ком. в переговорах, но и тѣм, что еще 23 марта ему было поручено Исп. Ком. составить очерк переговоров. Суханов порученія не выполнил, но, очевидно, подобрал предварительно соотвѣтствующій матеріал: поэтому он так отчетливо запомнил "все" до пятого дня — это была "сплошная цѣпь воспоминаній, когда в головѣ запечатлѣвался чуть ли не каждый час незабвенных дней". И совершенно неизбежно в основу разсказа надо положить изложеніе Суханова, хотя и слишком очевидно, что иногда автор теоретическія обоснованія подводит *post factum* и себѣ приписывает болѣе дѣйственную, провидящую роль, нежели она была в дѣйствительности.

I. Среди совѣтской демократіи.

1. Тактическое банкротство.

По чьей инициативѣ начались переговоры. Представитель крайняго течения, большевик Шляпников, определенно утверждает, что Исп. Ком. стал обсуждать вопрос о конструкціи власти по "официальному предложению" со стороны Комитета Гос. Думы. Противоположную версию устанавливает другой представитель "революционной демократіи", Суханов, не принадлежавшій к группѣ лиц, входящих в ленинскую фалангу; понимая, что "проблема власти" — основная в революціи, именно он настаивал на обсужденіи ея в Исп. Ком., и по его инициативѣ возникла мысль о необходимости вступить в переговоры с представителями "цензовой общественности". Версія Суханова, как увидим, болѣе достовѣрна[5], хотя Стеклов, официальный докладчик Исп. Ком. на Совѣщаніи Совѣтов 30 марта, дававшій через мѣсяц отчет перед собраніем и рассказавшій исторію "переговоров", развивал то же положеніе, что и Шляпников: думскій де Комитет начал переговоры "по собственной инициативѣ" и вел их с совѣтски-

ми представителями, как с "равноправной политической стороной".

Так или иначе вопрос об организаціи власти подвергся обсужденію в Исп. Комитетѣ днем 1 марта — вѣрнѣе урывками происходил довольно случайный и безсистемный обмѣн мнѣній по этому поводу, так как текущіе вопросы ("куча вермишели", по выраженію Суханова) постоянно отвлекали вниманіе. Бесѣды происходили, как утверждает Шляпников, в связи с сообщеніем Чхеидзе, что Врем. Комитет, взяв на себя почин организаціи власти, не может составить правительство без вхожденія в него "представителей лѣвых партій". Намѣчались три теченія: одно из них (согласно традиціонной догмѣ) отвергало участіе социалистов во власти в період так называемой "буржуазной" революціи; другое (крайнее) требовало взять управленіе в свои руки; третье настаивало на соглашеніи с "цензовыми элементами", т. е. споры шли по схемѣ: власть буржуазная, коалиціонная или демократическая (социалистическая). В 6-м часу И. К. вплотную подошел к разрѣшенію проблемы власти и даже подверг вопрос баллотировкѣ, при чем 13 голосами против 7 или 8 поста-

новил не входить в цензовое правительство.

Впослѣдствіи была выдвинута стройная теоретическая схема аргументацій, объяснявшая почему демократія, которой яко бы фактически принадлежала власть в первые дни революціи в Петербургѣ, отказалась от выполненія павшей на нее миссіи. Такую попытку сдѣлал Суханов в "Записках о революціи". Другой представитель "совѣтской демократіи" Чернов, непосредственно не участвовавший еще в то время в революціонных событіях, касаясь в своей исторической работѣ "Рожденіе революціонной Россіи" рѣшенія передать власть "цензовой" демократіи, не без основанія замѣчает, что в данном случаѣ побѣдила "не теорія, не доктрина", а "непосредственное ощущеніе *обузы власти*" и желаніе свалить эту обузу под соусом теоретическаго обоснованія на "плечи цензовиков". Пять причин, побуждавших к такому дѣйствію и свидѣтельствовавших об отсутствіи "политической зрѣлости" и о "тактическом банкротствѣ (руководящаго) ядра, исчисляет Чернов:

1. Не хватало программнаго единодушія.
2. Цензовая демократія была на лицо "во всеоружіи всѣх своих духовных и политических ре-

сурсов", революціонная же демократія была представлена на мѣстѣ дѣйствія случайными элементами, "силами далеко не перваго, часто даже и не втораго, а третьяго, четвертаго и пятаго калибра". Самыя квалифицірованныя силы революціонной демократіи находились в далекой ссылкѣ или в еще болѣе далеком изгнаніи.

3. У цензовиков были "всероссійскія имена", руководители же революціонной демократіи за немногими исключеніями являлись "для широкаго общественнаго мнѣнія загадочными незнакомцами", о которых враги могли "распространять какія угодно легенды".

4. Крупнѣйшіе дѣятели рев. демократіи были "абсолютно незнакомы с техникою государственнаго управленія и аппаратом его" и "прыжок из заброшеннаго сибирскаго улуса или колоніи изгнанников в Женевѣ на скамьи правительства был для них сходен — с переселеніем на другую планету".

5. "Буржуазныя партіи" имѣли за собой свыше десяти лѣтъ открытаго существованія и устойчивой, гласной организаціи трудовая, социалистическія и революціонныя партіи держались почти всегда лишь на голом скелетѣ кадров "профессіо-

нальных революціонеров".

Пространную аргументацію нѣсколько кичливых представителей эмигрантских "штабов"[6]— подобную же аргументацію развивает и Троцкій в "Исторіи русской революціи" — можно было бы кратко подытожить словами Милюкова на упомянутом митингѣ 2-го марта в Екатерининском залѣ Таврическаго дворца, когда бывший лидер думской оппозиціи с большим преувеличеніем говорил о единственно организованной "цензовой общестственности". Во всѣх этих соображеніях имѣется, конечно, доля истины, но всѣ они анулировались в тот момент аргументом, который представляло собой настроеніе масс и сочувствіе послѣдних революціонным партиям. "Престиж Думы" был огромен, несравним с вожаками лѣвых, извѣстных лишь в узком кругѣ, — усиленно подчеркивает и Маклаков, а между тѣм для успокоенія революціонной стихіи имѣло огромное значеніе вхожденіе именно Керенскаго в состав Временнаго Правительства, при чем играло роль само по себѣ не имя депутата, а его принадлежность к революціонной демократіи. Оспаривать этот факт не приходится, так как сама военная власть с мѣст,

гдѣ разбушевалась стихія, систематически взывала в первые дни к новой власти и требовала прибытія Керенскаго. Неоспоримо, что правительство, составленное из наличных членов Исп. Ком., было бы весьма неавторитетно, но почти столь же неоспоримо, что революціонная общественность могла бы составить такое правительство из имен болѣе или менѣе "всероссійских", которое имѣло бы в тѣ дни, быть может, больше вліянія, чѣм случайно составленное и не соотвѣтствовавшее моменту "Временное Правительство", которое приняло бразды правленія в революціонное время[7].

Основная причина "передачи" власти цензовым элементам или вѣрнѣе отказ от каких-либо самостоятельных попыток создать однородное демократическо-соціалистическое правительство лежала не в сознаніи непосильной для демократіи "обузы власти", а в полной еще неувѣренности в завтрашнем днѣ. В этом откровенно признавался впоследствии в совѣщаніи совѣтов докладчик о "временном правительствѣ", Стеклов — один из тѣх, кто непосредственно участвовал в ночных переговорах 1-2 марта: "...когда намѣчалось... соглашеніе, было совсѣм неясно, восторжествует ли

революція не только в формѣ революціонно-демократической, но даже в формѣ умѣренно-буржуазной. вы, ...которые не были здѣсь, в Петроградѣ, и не переживали этой революціонной горячки, представить себѣ не можете, как мы жили: окруженные вокруг думы отдѣльными солдатскими взводами, не имѣющими даже унтер-офицеров, не успѣвши еще сформировать никакой политической программы движенія... нам не было извѣстно настроеніе войск вообще, настроеніе Царскосельскаго гарнизона, и имѣлись свѣдѣнія, что они идут на нас. Мы получали слухи, что с сѣвера идут пять полков, что ген. Иванов ведет 26 эшелонов, на улицах раздавалась стрѣльба, и мы могли допускать, что эта слабая группа, окружавшая дворец, будет разбита, и с минуты на минуту ждали, что вот придут, и если не разстрѣляют, то заберут нас. Мы же, как древніе римляне, важно сидѣли и засѣдали, но полной увѣренности в успѣхѣ революціи в этот момент совершенно не было"

Слишком легко послѣ того, как событія произошли, отвергнуть этот психологическій момент и утверждать, что "царизм" распался, как карточный домик, что режим, сгнившій на корню, никакого

сопротивленія не мог оказать, что "военный разгром революціи был немыслим". Дѣло, конечно, было не так. Успѣх революціи, как показал весь историческій опыт, всегда зависит не столько от силы взрыва, сколько от слабости сопротивленія. Это почти "соціологическій" закон. У революціи 17 года не было организованной реальной военной силы. Всѣ участники революціи согласны с тѣм, что цитадель революціи — Таврической дворец, была в первые дни беззащитна. В ночь на 28 февраля, находившіеся в Гос. Думѣ фактически не располагали ни одним ружьем — признает Керенскій (La Verité). Имѣвшееся артиллерійское орудіе было без снарядов, бездѣйственны были и пулеметы (Мстиславскій). Потому так легко возникала паника в стѣнах Таврическаго дворца — и не только в первый день, как о том свидѣтельствуют мемуаристы; достаточно было дойти невѣрному слуху о сосредоточеніи в Академіи Генеральнаго Штаба 300 офицеров, вооруженных пулеметами, с цѣлью нападенія на революціонную цитадель. Казалось, что небольшая организованная воинская часть без труда ликвидирует возстаніе или по крайней мѣрѣ его внѣшній центр [8]. И если такой части не нашлось, то эхо объясняется не одной

растерянностью разложившейся власти, а и тѣм, что уличное неорганизованное движеніе в критическій момент оказалось сцѣплено с Государственной Думой — поднять вооруженную руку против народнаго представительства психологически было уже труднѣе, учитывая то обстоятельство, что во время войны армія превратилась в сущности в "вооруженный народ", как то неоднократно признавалось в самом правительстве (см., напр., сужденія в Совѣтѣ Министров в 15 году). Война парализовала в значительной степени волю к противодѣйствию, и Суханов совершенно прав, утверждая, что Комитет Гос. Думы служил "довольно надежным прикрытіем от царистской контр-революціи", отсюда рождалось впечатленіе, что власть "явно запускала движеніе" и подтверждалась распространенная легенда о "провокаціи".

Если в Петербургѣ 1-го марта, когда рѣшался вопрос о власти, переворот закончился уже побѣдоносно, то оставалось еще неизвѣстным, как на столичныя событія реагирует страна и фронт. Керенскій, не очень слѣдящій за своими словами, в одной из послѣдних книг (*La Verité*) писал, что к ночи 28-го вся страна с арміей присоединилась, к

революціи. Это можно еще с оговоркой сказать о второй столицѣ Имперіи гдѣ ночью 28-го было уже принято обращеніе Городской Думы, к населенію, говорившее, что "ради побѣды и спасенія Россіи Госуд. Дума вступила на путь рѣшительной борьбы со старым и пагубным для нашей родины строем". Но народ, который должен был фактически устранить "от власти тѣх, кто защищал старый порядок, постыдное дѣло измѣны", 1 марта в сущности стал лишь "готовиться к бою", как выражается в своих воспоминаніях непосредственный наблюдатель событій, будущій комиссар градоначальства с.-р. Вознесенскій. Полное бездѣйствіе власти под начальством ген. Мрозовскаго опредѣлило успѣх революціи и ея безкровность: три солдата и рабочій — такова цифра жертв возстанія в Москвѣ... В матери русских городов — Кіевѣ, гдѣ узнали о переворотѣ лишь 3-го, и гдѣ в этот день газеты все же вышли с обычными "бѣлыми мѣстами", еще перваго был арестован по ордеру губ. жанд. управленія старій народоволец, отставн. полковник Оберучев, вернувшійся из эмиграціи в серединѣ февраля "на родину". Во многих губерніях центра Россіи (Ярославль, Тула и др.) движеніе началось 3-го. Жители Херсона даже 5

марта могли читать воззваніе губернатора Червинскаго о народных беспорядках в Петербургѣ, прекращенных Родзянко в "пользу арміи, Государя и отечества". На фронт вѣсть о революціи естественно пришла еще позже — во многих мѣстах 5-6 марта; об отреченіи Императора на нѣкоторых отдѣльных участках узнали лишь в серединѣ мѣсяца. Мѣстечковый еврей, задавшій в это время одному из мемуаристов (Квашко) вопрос: "а царя, дѣйствительно, больше нѣтъ, или это только выдумка", — вѣроятно, не был одинок. В захолустье свѣдѣнія о происшедших событіях кое гдѣ проникли лишь к концу мѣсяца. Для иностранных читателей может быть убѣдительно свидѣтельство Керенскаго, что на всем протяженіи Имперіи не нашлось ни одной части, которую фактически можно было двинуть против мятежной столицы, то же, конечно, говорит и Троцкій в своей "Исторіи революціи". Но это мало убѣдительно для русскаго современника, знающаго, что фронтовая масса и значительная часть провинціи о событіях были освѣдомлены лишь послѣ их завершения.

Чернов дѣлает поправку (то же утвержденіе найдем мы и в воспоминаніях Гучкова): войско-

вую часть можно было отыскать на фронтѣ, но посылка ея не достигла бы цѣли, ибо войска, приходившія в Петербург, переходили на сторону народа. Но это только предположеніе, весьма вѣроятное в создавшейся обстановкѣ, но все-таки фактически невѣрное, вопреки установившейся версіи, даже в отношеніи того немногочисленнаго отряда, который дошел до Царскаго Села во главѣ с ген. Ивановым к вечеру 1 марта[9]. Большевицкіе историки желают доказать, что "демократія", из которой они себя выдѣляют, отступила на вторыя позиціи не из страха возможности разгрома революціи, а в силу паники перед стихійной революціонностью масс: в первые дни — вспоминает большевизанствующій с.-р. Мстиславскій — "до гадливости" чувствовалось, как "верховники" из Исп. Ком. боялись толпы[10]. Безспорно, страх перед неорганизованной стихіей должен был охватывать людей, хоть сколько-нибудь отвѣтственных за свои дѣйствія и не принадлежавших к лагерю безоговорочных "пораженцев", ибо неорганизованная стихія, безголовая революція, легко могла перейти в анархію, которая не только увеличила бы силу сопротивления режима, но и неизбѣжно породила бы контр-революціонное движеніе

страны во имя сохраненія государственности и во избѣжаніе разгрома на внѣшнем фронтѣ»

Керенскій, быть может, нѣсколько преувеличивая свои личныя ощущенія первых дней революціи, объективно прав, указывая, что никто не ожидал произошедшаго хаоса, и у всѣх была только одна мысль, как спасти страну от быстро наступающей анархіи. Элементарный здравый смысл заставлял демократію привѣтствовать рѣшеніе Временнаго Комитета взять на себя отвѣтственную роль в происходивших событіях и придать стихійному движенію характер "революціи", ибо исторія устанавливала и другой "соціологическій закон", в свое время в таких словах формулированный никѣм иным, как Лениным: "для наступленія революціи недостаточно, чтобы "низы не хотѣли", требуется, чтобы и "верхи не могли" жить по старому, т. е. "революціонное опьянѣніе", как выразился Витте в воспоминаніях, должно охватить и командующій класс. Витте довольно цинично называл это "умственной чесоткой" и либеральным "ожирѣніем" интеллигентной части общества, доказывая, что "революціонное опьянѣніе" вызывает отнюдь не "голод, холод, нищета", которыми

сопровождается жизнь 100 миллионнаго непривилегированнаго русскаго народа. В одном старый бюрократ был прав: "главным диктатором" революціи не является "голодный желудок" — этот традиціонный предразсудок, как нежизненный постулат, пора давно отбросить. Голод порождает лишь бунт, которому, дѣйствительно, обычно уготован один конец: "самоистребленіе". Алданов справедливо замѣтил, что о "продовольственных затрудненіях" в Петербургѣ, в качествѣ "причин революціи" историку послѣ 1920 г. писать "будет неловко".

Мотив этот выдвигался экономистами в началѣ революціи (напр., доклад Громана в Исп. Ком. 16 марта); в позднѣйшей литературѣ, пожалуй, один только Чернов все еще поддерживает версію, что на улицу рабочих вывел "Царь-Голод", — впрочем весьма относительный: сообщеніе градоначальника командующему войсками 23 февраля считало причиной беспорядков еще только слух, что будут отпускать 1 ф. хлѣба взрослому и полфунта на малолѣтних.

Ленин, который все всегда знал заранѣе на девять десятых, утверждал послѣ революціи, еще в

дни пребывания за границей, что буржуазія нужна была лишь для того, чтобы "революція побѣдила в 8 дней" [\[11\]](#).

Мемуаристы противоположнаго лагеря с той же убѣдительностью доказывают легкую возможность разгрома революціи при наличности нѣкоторых условій, в дѣйствительности по тѣм или другим причинам не оказалось. "Революція побѣдила в 8 дней" потому, что страна как бы слилась в едином порывѣ и общности настроеній, — столичный бунт превратился во "всенародное движеніе", показавшее, что старый порядок был уже для Россіи политическим анахронизмом и тогда (послѣ завершения переворота) в стихійности революціи начали усматривать гарантіи незыблемой ея прочности (рѣчь Гучкова 8 марта у промышленников).

В историческом аспектѣ можно признать, что современники в предреволюціонные дни недооцѣнивали сдвига, который произошел в странѣ за годы войны под воздѣйствіем оппозиціонной критики Гос. Думы, привившей мысль, что національной судьбѣ Россіи при старом режимѣ грозит опасность, что старая власть "безучастная к судьбѣ

родины и погрязшая в позорѣ порока... безповоротно отгородилась от интересов народа, на каждом шагу принося их в жертву безумным порывам произвола и самовластія" (из передовой статьи "Рус. Вѣд." 7 марта). В политической близорукости, быть может, повинны всѣ общественныя группировки, но от признанія этого факта нисколько не измѣняется суть дѣла: февральскія событія в Петербургѣ, их размах, отклик на них и итог оказались рѣшительно для всѣх неожиданными — "девятый вал", по признанію Мякотина (в первом публичном выступленіи послѣ революціи), пришел тогда, "когда о нем думали меньше всего". Теоретически о грядущей революціи всегда говорили много — и в лѣвых, и в правых, и в промежуточных, либеральных кругах. Предреволюціонныя донесенія агентуры департамента полиціи и записи современников полны таких предвидѣній и пророчеств — нѣкоторым из них нельзя отказать в прозорливости, настолько они совпали с тѣм, что фактически произошло. В дѣйствительности же подобныя предвидѣнія не выходили за предѣлы абстрактных расчетов и субъективных ощущеній того, что Россія должна стоять "на порогѣ великих событій". Это одинаково касается, как предска-

заній в 16 г. нѣкогого писца Александрo-Невской Лавры, зареєстрированных в показаніях филеров, которые опекали Распутина, так и предвидѣній политиков и соціологов. Если циммервальдец Суханов был убѣжден, что "міровая соціальная революція не может не увѣнчать собой міровой имперіалистической войны", то его прогнозы в сущности лежали в той же плоскости, что и размышленія в часы безсонницы в августѣ 14 г. вел. кн. Ник. Мих., записавшаго в дневник: "к чему затѣяли эту убійственную войну, каковы будут ея конечные результаты? Одно для меня ясно, что во всѣх странах произойдут громадныя перевороты, мнѣ мнится конец многих монархій и триумф всемірнаго соціализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войны". Писательница Гиппиус занесла в дневник 3 октября 16 г.: "никто не сомнѣвается, что будет революція. Никто не знает, какая и когда она будет, и не ужасно ли? — никто не думает об этом". (Предусмотрительность часто появляется в опубликованных дневниках *post factum*). Во всяком случаѣ не думали потому, что вопрос этот в конкретной постановкѣ в сознаніи огромнаго большинства современников не был актуален, — и близость рево-

люціи исчислялась не днями и даже не мѣсяцами, а может быть, "годами". Говорили о "революціи" послѣ войны (Шкловскій). Даже всевидящій Ленин, считавшій, что "всемирная империалистическая война" является "всесвѣтным режиссером, который может ускорить революцію" ("Письма изда-лека"), за два мѣсяца до революціи в одном из своих докладов в Цюрихѣ сдѣлал обмолвку: "Мы, старики, быть может, до грядущей революціи не доживем". По наблюдениям французскаго журналиста Анэ, каждый русскій предсказывал революцію на слѣдующій год, в сущности не вѣря своим предсказаніям. Эти общественные толки, поднимавшіеся до аристократических и придворных кругов, надо отнести в область простой разговорной словесности, конечно, показательной для общественных настроеній и создавшей психологию ожиданія чего-то фатально неизбежнаго через какой-то неопредѣленный промежуток времени.

Ожиданіе новаго катаклизма являлось доминирующим настроеніем в самых различных общественных кругах — и "лѣвых" и "правых", послѣ завершенія "великой русской революціи", как "сгоряча" окрестили 1905 год, Россію ждет "революція

безповоротная и ужасная" — положеніе это красной нитью проходит через перлюстрированную департаментом полиціи частную переписку (мы имѣем опубликованный отчет, напр., за 1908 г.). Человѣкъ весьма консервативных политических убѣжденій, харьковскій проф. Вязигин писал: "Самые черные дни у нас еще впереди, а мы быстрыми шагами несемъ к пропасти". Ему вторит политик умѣренных взглядов, член Гос. Сов. Шипов: "родина приближается к пропасти"... "предстоящая неизбежная революція легко может вылиться в форму пугачевщины". И все-таки Шипов, путем размышленія, готов признать, что "теперь чѣм хуже, тѣм лучше", ибо "чѣм скорѣе грянет этот гром, тѣм менѣе он будет страшен и опасен". И болѣе лѣвый Петрункевич хоть и признает, что наступила "полная агонія" правительственной власти, что "теперь борьба демократизировалась в самом дурном смыслѣ", что "выступили на арену борьбы необузданный и дикія силы", однако, все это, по его мнѣнію, свидѣтельствует, что "мы живем не на кладбищѣ". "Будущее в наших руках, если не впадет в протрацію само общество", успокаивает редактор "Рус. Вѣд." Соболевскій сомнѣвающегося своего товарища по работѣ проф. Анучи-

на и т. д. И очень часто в перепискѣ государственных дѣятелей, ученых и простых обывателей, с которой ознакамливались перлюстраторы, звучит мотив: "вряд ли без внѣшняго толчка что-нибудь будет". В кругах той либерально-консервативной интеллигенціи, которая под водительством думскаго прогрессивнаго блока претендовала на преемственность власти при новых парламентских комбинаціях, ожиданіе революціи, вышедшей из нѣдр народной толщи и рисовавшейся своим радикальным разрѣшеніем накопившихся соціальных противорѣчій какой-то новой "пугачевщиной", "русским бунтом, бессмысленным и беспощадным", по выраженію еще Пушкина, носило еще менѣе реалистическія формы. Революціонный жупел, поскольку он выявлялся с кафедры Гос. Думы, здѣсь был приѣмом своего рода педагогическаго воздѣйствія на верховную власть в цѣлях принудить ее капитулировать перед общественными требованіями. В дѣйствительности мало кто вѣрил, что то, "чего всѣ опасаются", может случиться, и в интимных разговорах, отмѣчаемых агентами деп. полиціи (и не только ими), ожидаемая революція замѣнялась "почти безкровным" дворцовым переворотом — до него в представ-

леніи оппозиціонных думских политиков оставалось "всего лишь нѣсколько мѣсяцев" даже, может быть, нѣсколько недѣль.

2. Неожданность революціи.

"Революція застала врасплох только в смыслѣ момента", утверждает Троцкій. Но в этом и была сущность реального положенія, предшествовавшего 27 февраля. Несомнѣнен факт, устанавливаемый Сухановым, что ни одна партія непосредственно не готовилась к перевороту. Будущій лѣвый с.-р. Мстиславскій выразился еще рѣзче: "революція застала нас, тогдашних партійных людей, как евангельских неразумных дѣв, спящими". Большевики не представляли собой исключенія — накануне революціи, по образному выраженію Покровскаго, они были "в десяти верстах от вооруженнаго возстанія". Правда, накануне созыва Думы они звали рабочую массу на улицу, на Невскій, противопоставляя свою демонстрацію в годовщину дня суда над с.-д. депутатами 10 февраля проекту оборонческих групп "хожденія к Думѣ" 14 февраля, но фактически это революціонное дѣйствіе не выходит из сферы обычной пропаганды стачек.

Нельзя обманываться лозунгами: "Долой царскую монархію" и "Да здравствует Временное Революціонное Правительство" и т. д. — то были лишь

традиційныя присказки всякой прокламаціи, выходявшей из револнціоннаго подполья. Рабочіе не вышли на улицу. Быть может, свою роль сыграла агитація думских кругов, выступавших с предупрежденіем о провокаціонном характерѣ призывов[12], но еще в большей степени полная раздробленность и политическое расхожденіе револнціонных штабов. Характерно, что близкіе большевикам так называемые "междурайонцы" в особом листкѣ, выпущенном 14 февраля, "признавали нецѣлесообразным общее револнціонное выступленіе пролетаріата в момент не изжитаго тяжелаго внутренняго кризиса соціалистических партій и в момент, когда не было основанія рассчитывать "на активную поддержку арміи". "Обычное", конечно, шло своим чередом, ибо револнціонные штабы готовили массы к "грядущему выступленію". И тот же петербургскій междурайонный комитет с.-дем, в международный день работниц 23 февраля (женское "первое мая") выпускает листовку с призывом протестовать против войны и правительства, которое "начало войну и не может ее окончить". Трудно поэтому уличное выступленіе 23 февраля, которое вливалось в нарастающую волну стачек, имѣвших всегда не толь-

ко економіческій, но и політическій оттѣнок, назвать "самочинным". Военные представители иностранных миссій в телеграммѣ в Ставку движеніе, начавшееся 23-го, с самаго начала опредѣлили, как манифестацію економіческую по виду, и революціонную по существу (Легра). Самочинность его заключалась лишь в том, что оно возникло без обсуждения "предварительнаго плана", как утверждали донесенія Охр. Отд. 26 февраля. Дѣло касается партійных комитетов, которые были далеки от мысли, что "женскій день" может оказаться началом революціи и не видѣли в данный момент "цѣли и повода" для забастовок (свидѣтельство рабочаго Вѣтрова, состоявшаго членом выборгскаго районнаго комитета большевицкой партіи).

Уличная демонстрація, если не вызванная, то сплетавшаяся с обострившимся правительственным кризисом, была тѣм не менѣе поддержана революціонными организаціями (на совѣщаніи большевиков с меньшевиками и эсерами) — правда "скрѣпя сердце", как свидѣтельствуется Каюров, при чем в " тот момент никто не предполагал, во что оно (это движеніе) выльется". В смыслѣ этой поддержки и надо понимать позднѣйшія (25-26

февр.) донесенія агентов Охр. Отд., отмѣчавшія что "революціонные круги стали реагировать на вторые сутки", и что "намѣтился и руководящій центр, откуда получались директивы". В этих донесеніях агентура явно старалась преувеличивать значеніе подпольнаго замаскированнаго центра. (Преувеличенныя донесенія и послужили поводом для ареста руководителей "рабочей группы" при Цен. Воен. Пр. Ком., осложнившаго и обострившаго положеніе). Если о Совѣтѣ Раб. Деп., который должен "начать дѣйствія к вечеру 27-го", говорили, напр., на рабочем совѣщаніи 25-го, созванном по инициативѣ Союза рабочих потребительских обществ и по соглашенію с соц.-дем. фракціей Гос. Думы, если на отдѣльных заводах происходили уже даже выборы делегатов, как о том гласила больше, правда, городская молва, то этот вопрос стоял в связи с продовольственным планом, который одновременно обсуждался на совѣщаніи в городской Думѣ, а не с задуманным политическим переворотом, в котором Совѣт должен был играть роль какого-то "рабочаго парламента". Реальный Совѣт Р. Д. возник 27-го "самочинно", как и все в эти дни, внѣ связи с только что отмѣченными разговорами и предположеніями — инициаторами его

явились освобожденные толпой из предварительного) заключенія лидеры "рабочей группы", взявшие полученную по наслѣдству от 1905 г. традиціонную форму объединенія рабочих организацій, которая сохранила престиж в рабочей средѣ и силу дѣйствительнаго лозунга пропаганды социал-демократіи. Поэтому приходится сдѣлать очень большую оговорку к утвержденію Милюкова-историка, что "соціалистическія партіи рѣшили немедленно возродить Совѣт рабочих депутатов".

Как ни расцѣпывать роль революціонных партійных организацій в стихійно нараставших событіях в связи с расширявшейся забастовкой, массовыми уличными выступленіями и обнаруживавшимся настроеніем запасных воинских частей[13], все же остается несомнѣнным, что до перваго официальнаго дня революціи "никто не думал о такой близкой, возможной революціи" (восп. раб. больш. Каюрова). "То, что началось в Питерѣ 23 февраля, почти никто не принял за начало революціи,—вспоминает Суханов: "казалось, что движеніе, возникшее в этот день, мало чѣм отличалось от движенія в предыдущее мѣсяцы. Такіе безпорядки проходили перед глазами современников

многіе десятки раз". мало того, в момент, когда обнаружилось колебаніе в войсках, когда агенты охраны докладывали, что масса "послѣ двух дней безпрепятственнаго хожденія по улицам увѣрилась в мысли, что "началась революція", и "власть безсильна подавить движеніе , что, если войска перейдут "на сторону пролетаріата, тогда ничто не спасет от революціоннаго переворота", — тогда именно под вліяніем кровавых уличных эпизодов, имѣвших мѣсто 26-го, в большевицком подпольѣ был поднят вопрос о прекращеніи забастовок и демонстрацій. В свою очередь Керенскій в книгѣ "Experiences" вспоминает, что вечером 26-го у него собралось "информаціонное бюро" социалистических партій — это отнюдь не был центр дѣйствія, а лишь обмѣн мнѣніями "за чашкой чая". Представитель большевиков Юренев категорически заявил, что нѣт и не будет никакой революціи, что движеніе в войсках сходит на нѣт, и надо готовиться на долгій період реакціи... Слова Юренева (их приводил раньше Станкевич в воспоминаніях) были сказаны в отвѣт на указаніе хозяина квартиры, что необходимо приготовиться к важным событіям, так как мы вступили в революцію. Были ли такія предчувствія у Керенскаго? В другой сво-

ей книгѣ, изданной в том же 36-ом году, он по иному опредѣлял положеніе: даже 26 февраля, — пишет он в «La Verité », никто не ждал революціи и не думал о республикѣ. Соратник Керенскаго по партіи, участник того же инф. бюро, Зензинов в воспоминаніях, набросанных еще в первые дни революціи ("Дѣло Народа" 15 марта), подтверждал второе, а не первое заключеніе Керенскаго: он писал, что "революція ударила, как гром с неба, и застала врасплох не только правительство, но и Думу и существующія общественныя организаціи. Она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас революціонеров". Упоминал об інформаціонных собраніях тѣх дней, на которых присутствовали представители всѣх существовавших в Петербургѣ революціонных теченій и организацій, он говорил, что событія разсматривались, как нѣчто "обычное" — "никто не предчувствовал в этом движеніи вѣянія грядущей революціи". Не показательно ли, что в упомянутой прокламаціи, изданной Междурайонным Комитетом 27 февраля, рабочая масса призывалась к организацій "всеобщей политической стачки протеста" против "безсмысленнаго", "чудовищнаго" преступленія, совершившагося наканунѣ, когда "Царь свинцом на-

кормил поднявшихся на борьбу голодных людей", и когда в "безсильной злобѣ сжимались наши кулаки", — здѣсь не было призыва к вооруженному возстанію. Также, очевидно, надо понимать и заявление представителя рабочих, большевика Самодурова, в засѣданіи Городской Думы 25 февраля требовавшего не "заплат", а совершеннаго уничтоженія режима.

3. Спор о власти.

Обстановка первых двух дней революціи (она будет обрисована в послѣдующих главах), обнаруживавшая несомнѣнную организаціонную слабость центров[14], которые вынуждены были пассивать перед стихіей, отнюдь не могла еще внушить демократіи непоколебимую увѣренность в то, что "разгром был немислим". Пѣшехонов вспоминал, что "на другой день послѣ революціи", при повышенном и ликующем настроеніи "не только отдѣльных людей, но и большія группы вдруг охватывал пароксизм сомнѣній, тревоги и страха". О "страшном концѣ" говорил временами и Керенскій, как свидѣтельствуем Суханов; пессимизм

Скобелева отмѣчает Милюков, проводившій с ним на одном столѣ первую ночь в Таврическом дворцѣ, о своей паникѣ рассказывает сам Станкевич; Чхеидзе был в настроеніи, что "все пропало" и спасти может только "чудо!" — утверждает Шульгин. О том, что Чхеидзе был "страшно напуган" солдатским возстаніем, засвидѣтельствовал и Милюков. Завадскій рассказывает о сомнѣніях в благополучном исходѣ революціи, возникших у Горькаго, когда ему пришлось наблюдать "панику" в Таврическом дворцѣ 28-го, но еще большая неувѣренность у него была в побѣдѣ революціи за предѣлами Петербурга. Противорѣчія эти были жизненны и неизбѣжны.

О том необычайном "парадоксѣ февральской революціи", который открыл Троцкій и который заключался в том, что демократія, послѣ переворота обладавшая всей властью (ей вручена была эта власть "побѣдоносной массой народа"), "сознательно отказалась от власти и превратила 1 марта легенду о призваніи варягов в дѣйствительность ХХ вѣка", приходится говорить с очень большими оговорками. В сущности, этого парадокса не было, и поэтому естественно, что на совѣщаніи Исп.

Ком., о котором идет рѣчь, никто, по воспоминанію Суханова, не заикался даже о совѣтском демократическом правительствѣ. Большевики в своей средѣ рѣшали этот вопрос, как утверждает Шляпников, но во внѣ не вступали в борьбу за свои принципы — только слегка "поговаривали", по выраженію Суханова[15]. Споры возникли около предположенія, высказаннаго "правой частью" совѣщанія, о необходимости коалиціоннаго правительства. Идея была выдвинута представителем "Бунда". Очевидно, большой настойчивости не проявляли и защитники коалиціи, тѣм болѣе, что самые видные и авторитетные ея сторонники (меньшевик Богданов и нар. соц. Пѣшихонов) в засѣданіи не присутствовали[16].

Совершенно ясно, что 1-го вообще никаких окончательных рѣшеній не было принято, несмотря на произведенное голосованіе. Это была как бы предварительная дискуссія. намѣчавшая лишь нѣкоторые пункты для переговоров с Вр. Ком. Гос. Думы и выяснявшая условія, при которых демократія могла бы поддержать власть, долженствовавшую создаться в результатѣ революціонной вспышки. Стеклов, как рассказывает Суханов, —

записывал пункты по мѣрѣ развивавшихся преній. Они были впослѣдствіи на Совѣщаніи Совѣтов оглашены докладчиком по сохранившемуся черновику, который передан был затѣм в "Музей исторіи". Эти 9 пунктов, записанных на клочкѣ плохой писчей бумаги, были формулированы так:

"1. Полная и немедленная амнистія по всѣм дѣлам политическим и религіозным, в том числѣ террористическим покушеніям.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраній и стачек с распространеніем политических свобод на военнотружущих.

3. Воздержаніе от всѣх дѣйствій, предрѣшающих форму будущаго правленія.

4. Принятіе немедленных мѣр к созыву Учредительнаго Собранія на основах всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

5. Замѣна полиціи пародной милиціей с выборным начальством, подчиненным органам мѣстнаго самоуправленія.

6. Выборы в органы мѣстнаго самоуправленія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

7. Отмѣна всѣх сословных, вѣроисповѣдных и національных ограничений.

8. Неразоруженіе и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участіе в революціонном движеніи.

9. Самоуправленіе армій."

В этих пунктах не было намека на социально-экономическіе вопросы, которые должны встать перед Временным Правительством с перваго дня его существованія: в них не было самаго существеннаго в данный момент — отношенія к войнѣ.

Большинство Исп. Ком., по мнѣнію Суханова, принадлежало к циммервальдскому объединенію, но, поясняет мемуарист — надо было временно снять с очереди лозунги против войны, если рассчитывать на присоединеніе буржуазіи к революціи. Свернуть "циммервальдское знамя" приходилось однако и для того, чтобы договориться в собственной "совѣтской средѣ". Совѣт с циммервальдскими лозунгами в то время не был бы поддержан солдатской массой, представители которой составляли большинство пленума. Равным образом тѣ же тактическія соображенія побужда-

ли не выдвигать и соціально-экономическіе лозунги. Как пояснял вышедшій через нѣсколько дней меньшевицкій орган — "Рабочая Газета", для рабочего класса "сейчас непосредственно соціальные вопросы не стоят на первом планѣ", надо напрячь "всѣ силы, чтобы создать свободную и демократическую Россію", т. е. добыть "политическую свободу" — единственное "средство, при помощи котораго можно бороться за социализм". Вспоминая "урок" 1905 г., "Рабочая Газета" указывала на невозможность для пролетаріата вести борьбу на "два фронта" — с "реакціей" и "капиталистами". Слѣдовательно, не столько книжная мудрость, заимствованная из "учебников", не столько догматика, опредѣляющая мартовскія событія, как "буржуазную революцію в классическом смыслѣ слова" и развитая в послѣдующем идеологическом осмысливаніи событій, сколько ощущение реальной дѣйствительности опредѣляло позиціи и тактику "верховников" из среды Исп. Ком. в смутные дни, когда, говоря словами того же доклада Стеклова, "нельзя было с увѣренностью сказать, что переворот завершен, и что старый режим дѣйствительно уничтожен".

Житейская логика требовала слѣдующаго шага — непосредственнаго участія представителей социалистической демократіи в той власти, которая пока существовала еще только в "потенціи": во время войны и продовольственной разрухи приходится выбирать между правительством буржуазіи и правительством из своей среды, как выразился один из делегатов на Совѣщаніи Совѣтов, не считаясь с "резолуціями конгресса международного социализма". Этому шагу в полной мѣрѣ не было сдѣлано. Был создан чреватый своими послѣдствіями убудочный компромисс, который никак нельзя разсматривать, как нѣчто, послѣдовательно вытекавшее из апріорно установленных в тѣ дни постулатов. Бундовец Рафес, один из тѣх, кто отстаивал в дневном совѣщаніи Исп. Ком. принцип коалиціонной власти, совершенно опредѣленно свидѣтельствуем в воспоминаніях, что в ночном засѣданіи организационнаго Комитета партіи с.-д. вопреки мнѣнію Батурина, представлявшаго линію Исп. Ком., принято было рѣшеніе об участіи членов партіи в образованіи правительства. Отсюда вывод, что партія не считала для себя обязательным случайное голосованіе происходившаго днем совѣтскаго совѣщанія. Столь же знамена-

тельно было появленіе на другой день в официальных совѣтских "Извѣстіях" статьи меньшевика Богданова, отстаивавшаго участіе демократіи в образованіи правительства и мотивировавшаго необходимость такого участія тѣм соображеніем, что думское крыло революціи не только склоняется к конституціонной монархіи, но и готово сохранить престол за прежним носителем верховной власти.

В бурные моменты самочинное дѣйствіе играет нерѣдко роль рѣшающаго фактора. Такое своевольное дѣйствіе от имени разнородная спектра социалистической общественности и совершила группа дѣятелей Исп. Ком., в сущности организационно никого не представлявшая и персонально даже довольно случайно кооптированная в руководящій орган совѣтской демократіи. Их политическая позиція была неопредѣленна и неясна. В концѣ концов фактически неважно — был ли лично инициатором начала переговоров с думцами заносчивый и самомнительный Гиммер (Суханов), разыгрывавшій роль какого-то "совѣтскаго Макиавели", или другая случайность (приглашеніе во Врем. Ком. для обсужденія вопроса об организациі

власти) превратила Суханова и его коллег Стеклова и Соколова в единственных представителей революционной демократіи в ночь на 2-ое марта при обсужденіи кардинальнаго вопроса революціи. Интересен факт, что формальной совѣтской делегаціи не было, и что лица, дѣйствительно самочинно составившія эту делегацію, никѣм не были уполномочены, на свой риск вели переговоры и выдвигали программу, никѣм в сущности не утвержденную.

II. В рядах цензовой общественности

1. Легенда о Государственной Думѣ.

Каково же было умонастроение в том крылѣ Таврическаго дворца, гдѣ засѣдали представители "единственно организованной цензовой общественности", для переговоров с которыми направились делегаты Совѣта? В представленіи Суханова они шли для того, чтобы убѣдить "цензовиков" взять власть в свои руки. Убѣждать надо было в сущности Милюкова, который в изображеніи мемуариста безраздѣльно царил в "цензовой общественности". Но Милюкова, конечно, убѣждать не

приходилось с момента, как Врем. Комитет высказался "в полном сознании ответственности" за то, чтобы "взять в свои руки власть, выпавшую из рук правительства — уступать кому-либо дававшуюся в руки власть, лидер прогрессивнаго блока отнюдь не собирався. Для него никаких сомнѣній, отмѣченных в предшествующей главѣ, не было. Довольно мѣткую характеристику Милюкова дал в своих воспоминаніях принадлежавшій к фракціи к. д. кн. Мансырев. Вот его отзыв: "человѣк книги, а не жизни, мыслящій по опредѣленным, заранее схемам, исходящій из надуманных предпосылок, лишенный темперамента чувств, неспособный к непосредственным переживаніям. Революція произошла не так, как ее ожидали в кругах прогрессивнаго блока. И тѣм не менѣе лидер блока твердо и неуклонно держался в первые дни революціи за схему, ранее установленную и связанную с подготовлявшимся дворцовым переворотом, когда кружок лиц, заранее, по его собственным словам, обсудил мѣры, которыя должны быть приняты послѣ переворота. Перед этим "кружком лиц" лежала старая программа прогрессивнаго блока, ее и надлежало осуществить в налетѣвшем вихрѣ революціонной бури, значительность кото-

рой не учитывалась в цензовой общественности та же, как и среди демократіи".

Большинство мемуаристов согласны с такой оцѣнкой позиціи "верховников" из думскаго комитета, а один из них, депутат Маклаков, даже через 10 лѣт послѣ революціи продолжал утверждать, что в мартовскіе дни программа блока требовала всего только нѣкоторой "ретуши", ибо революція «nullement» не была направлена против режима(?!). В представлении извѣстнаго публициста Ландау дѣло было еще проще — революціи вообще не было в 17 г., а произошло просто "автоматическое паденіе сгнившаго правительства". Подобная концепція вытекала из представлення, что революція 17 г. произошла во имя Думы, и что Дума возглавила революцію. Маклаков так и говорит, вопреки самоочевидным фактам, что революція началась через 2 часа(!) послѣ роспуска Думы, правда, дѣлая оговорку, что революція произошла "во имя Думы", но "не силами Думы"! Милюков в первом вариантѣ своей исторіи революціи также писал, что сигнал к началу революціи дало правительство, распустив Думу. Миф этот возник в первые же дни с того самаго момента, как

Бубликов, занявшій 28-го временно должность комиссара по министерству сообщенія, разослал от имени предсѣдателя Гос. Думы Родзянко приказ, гласившій: "Государственная Дума взяла в свои руки созданіе новой власти", — и усиленно поддерживался на протяженіи всей революціи в рядах "цензовой общественности". Он подправлял дѣйствительность, выдвигая Гос. Думу по тактическим соображеніям на первый план в роли дѣйствительнаго фактора революціи. Еще в августовском Государственном Совѣщаніи, возражая ораторам, говорившим, что "революцію сдѣлала Гос. Дума в согласіи со всей страной", Плеханов сказал: "тут есть доля истины, но есть и много заблужденія"[\[17\]](#). С теченіем времени от такого "заблужденія" отказался главный творец литературнаго мифа Милюков, нѣкогда озаглавившій первую главу исторіи революціи — "Четвертая Гос. Дума низлагает монархію", но потом в связи с измѣненіями, которыя произошли в его политических взглядах, признавшій, что Гос. Дума не была способна возглавить революцію, что прогрессивный блок был прогрессивен только по отношенію ко Двору и ставленникам Распутина[\[18\]](#), что революціонный взрыв не имѣл никакого отношенія к роспуску

Думы. о котором масса, ничего не знала ("Россия на переломѣ"), " что Дума, блок и его компромиссная программа были начисто сметены первым же днем революціи ("Сов. Зап.")".

2. Впечатлѣнія перваго дня.

Отвергнутая легенда передает, однако, болѣе точно идеологическія концепціи, во власти которых находились руководители "цензовой общестственности" в момент переговоров с совѣтскими делегатами. В думских кругах, для которых роспуск Думы был как бы *coup de foudre*, по выраженію Керенскаго, еще меньше, чѣм в социалистическом секторѣ предполагали, что февральскіе дни знаменуют революціонную бурю. Была попытка с самаго начала дискредитировать движеніе. Гиппиус записала 23 февраля: "опять кадетская версія о провокаціи... что нарочно, спрятали хлѣб..., чтобы "голодные бунты" оправдали желанный правительству сепаратный мир. Вот глупые и слѣпые выверты. Надо же такое придумать" [19]. "Событія 26-27 февраля — показывал Милюков в Чр. Сл. Ком. — застали нас врасплох, потому что они не

выходили из тѣх кругов, которые предполагали возможность того или другого переворота, но они шли из каких-то других источников или они были стихійны. Возможно, что как раз Протопоповская попытка разстрѣла тут и сыграла роль в предыдущее дни... Было совершенно ясно, что инсценировалось что-то искусственное..." "Руководящая рука неясна была, — добавлял Милюков в "Исторіи" — только она исходила, очевидно, не от организованных лѣвых политических партій".

"Полная хаотичность начала движенія" не могла подвинуть руководителей думскаго прогрессивнаго блока на героическій шаг. Когда днем 27-го члены Думы собрались в Таврическом дворцѣ на частное совѣщаніе, никакого боевого настроенія в них не замѣчалось. Сколько их было? "Вся Дума" была на лицо в представленіи Шульгина, собралось 200 членов — исчисляет Мансырев, литовскій депутат Ичас доводит эту цифру до 300. То, что происходило в Думѣ 27-го, остается до сих пор неясным я противорѣчивым в деталях, даже в том, что касается самага частнаго совѣщанія — каждый мемуарист рассказывает по своему. Не будем на этом останавливаться.

Создалась легенда, широко распространившаяся 27-го в Петербургѣ, о том, что Дума постановила не расходиться, как учрежденіе, и что Дума совершила революціонный акт, отказавшись подчиниться указу о роспускѣ. Так на периферіи воспринял Горькій, так воспринял молву и Пѣшехонов. В "Извѣстіях" думскаго Комитета журналистов это "рѣшеніе" было формулировано так: "Совѣт старѣйшин, собравшись на экстренном засѣданіи и ознакомившись с указом о роспускѣ, постановил: Госуд. Думѣ не расходиться. Всѣм депутатам оставаться на мѣстѣ". Милюков говорит, что безпартійный казак Караулов требовал открытія формальнаго засѣданія Думы (по словам Керенскаго этого требовала вся оппозиція в лицѣ его, Чхеидзе, Ефремова (прог.) и "лѣваго" к. д. Некрасова), но совѣт старѣйшин на этот революціонный путь не хотѣл вступать. В статьѣ, посвященной десятилѣтію революціи Милюков утверждал, что было заранѣе условлено (очевидно, при теоретическом разсужденіи о возможном роспускѣ) никаких демонстрацій не дѣлать. И потому рѣшено было считать Гос. Думу "не функціонирующей, но членам Думы не разѣзжаться". Члены Думы немедленно собрались на "частное совѣщаніе"[\[20\]](#), и, чтобы

подчеркнуть, что это "частное совѣщаніе", собрались не в большом Бѣлом залѣ, а в сосѣдном полукруглом за предсѣдательской трибуной[21]. О "частном совѣщаніи", помимо довольно противорѣчивых свидѣтельств мемуаристов, мы имѣем "почти стенографическую запись", опубликованную в 21 г. в эмигрантской газетѣ "Воля Россіи". Кѣм составлена была запись, очень далекая от "почти стенографическая" отчета, хотя и излагавшая происходившее по минутам, неизвѣстно, и всетаки она, очевидно, составленная в то время, болѣе надежна, чѣм слишком субъективныя позднѣйшія воспріятія мемуаристов. Засѣданіе открыто было в 2 / часа дня Родзянко, указавшаго на серьезность положенія и вмѣстѣ с тѣм признававшаго, что Думѣ "нельзя еще высказаться опредѣленно, так как мы еще не знаем соотношенія сил". Выступавшій затѣм Некрасов — тот самый, который только что перед этим в Совѣтѣ старѣйшин, по воспоминаніям Керенскаго, будто бы от имени оппозиціи среди других требовал, чтобы Дума совершила революціонное дѣйствіе, игнорируя приказ о роспускѣ — предлагал передать власть пользующемуся довѣріем челоуѣку: ген. Маниковскому с "нѣсколькими представителями Гос. Думы[22].

Проект Некрасова о приглашеніи генерала из состава правительства и передачи власти в "старыя руки" вызвал довольно единодушную критику. По отчету "Воли Россіи" возражали прогрессист Ржевскій и с. д. Чхеидзе, по воспоминаніям Мансырева, Караулов, по воспоминаніям Ичаса к. д. Аджемов, находившій "среднее рѣшеніе", предложенное Некрасовым, "безуміем". Большинство считало, что Дума сама должна избрать орган, которому надлежало вручить полномочія для сношенія с арміей и народом (Ржевскій). Соціалистическій сектор отстаивал положеніе, что иного выхода, как созданіе новой власти нѣтъ — трудовик Дзюбинскій предлагал, временную власть вручить сеньорен-конвенту Думы и послѣднюю объявить "Учредительным Собраніем" (по отчету "Воли Россіи" Мансырев тогда поддерживал Дзюбинскаго). Скептически высказывался Шингарев: "неизвѣстно, признает ли народ новую власть". Когда дѣло дошло до Милюкова, то он отверг всѣ сдѣланныя предложенія — не желал он признать и Комитет из 10 лиц, который мог бы "диктаторствовать над всѣми", признавал он "неудобным" предложеніе Некрасова и невозможность созданія новой власти, так как для этого "еще не настал момент". Сам Милюков не помнил

уже, что 27-го он предлагал. В "почти стенографической" записи Милюковская рѣчь запротоколирована в таких выраженіях: "Лично я не предлагаю ничего конкретнаго. Что же нам остается дѣлать? Поѣхать, как предлагает Керенскій, и успокоить войска, но вряд ли это их успокоит, надо искать что-нибудь реальное" (Дѣло в том, что в это время Керенскій — как гласит запись — обратился к Собранію с предложеніем уполномочить его вмѣстѣ с Чхеидзе поѣхать на автомобилѣ ко всѣм возставшим частям, чтобы объяснить им о поддержкѣ и солидарности Гос. Думы).

Через десять лѣт свои колебанія Милюков объяснил сознанием, что тогдашняя Дума не годилась для возглавленія революціи. Мемуаристы осторожность лидера объясняли неувѣренностью в прочности народнаго движенія (Шульгин). По утверженію Скобелева, Милюков заявил, что не может формулировать свое отношеніе, так как не знает, кто руководит событіями[23]. В изображеніи Ичаса Милюков заключил рѣчь словами: "характер движенія еще настолько неясен, что нужно подождать по крайней мѣрѣ до вечера, чтобы вынести опредѣленное рѣшеніе". "Тут мы,

болѣе экспансивные депутаты, выразили бурное несогласіе с нашим лидером", при чем Аджемов особливо настаивал, что "нельзя откладывать рѣшеніе до выясненія соотношенія сил" ("Воля Рос."). По стенографическому отчету Родзянко обратился тогда к собранію с просьбой "поторопиться с принятіем рѣшенія, ибо промедленіе смерти подобно". Большинством было принята рѣшеніе об образованіи "Особаго Комитета", "Долго еще спорили",— вспоминает Ичас — как его выбрать. Наконец, когда затянувшіяся длинныя рѣчи всѣх утомили (лѣвые депутаты Керенскій, Скобелев, Янушкевич, Чхеидзе постоянно выходили к толпѣ и возвращались на совѣщаніе, убѣждая скорѣе приступить к дѣйствию), рѣшили передать избраніе комитета сеньорен-конвенту, который должен был немедленно доложить Совѣщанію его состав. Послѣ получасового разговора Родзянко сообщил результаты. "У меня и моих товарищей — вновь вспоминает Ичас — было такое чувство, словно мы избрали членов рыболовной или тому подобной думской комиссіи. Никакого энтузіазма ни у кого не было. У меня вырвалась фраза: Да здравствует Комитет Спасенія. В отвѣт на это нѣсколько десятков членов Совѣщанія стали

аплодировать". "Временный Комитет[24]удалился на совѣщаніе (это было около 5 часов), а мы около 300 членов Думы бродили по унылым залам Таврическаго дворца. Посторонней публики еще не было. Тут ко мнѣ подошел с сіяющим лицом член Думы Гронскій: "знаешь новость. Сегодня в 9 час. веч. прїѣдет в Таврическій дворец в. кн. Мих. Ал. и будет провозглашен императором". Это извѣстіе стало довольно открыто курсировать по Екатерининскому залу".

Ичас был нѣсколько удивлен длинным названіем Временнаго Комитета — "Комитет членов Гос. Думы для водворенія порядка в столицѣ и для сношенія с лицами и учрежденіями", к. д. Герасимов объяснил: "это важно с точки зрѣнія уголовного уложенія, если бы революція не удалась бы". Скорѣе это было шуточное замѣчаніе, совершенно, конечно, прав Бубликов, утверждавшій в воспоминаніях, что в этот момент Дума (или ея суррогат) не поддержала революціи. Выжидательная позиція большинства оставалась — побѣдила по существу, осторожная линія лидера, несмотря на "бурное" несогласіе с ним многих его соратников, доказывавших, что невозможно ожидать "точ-

ных свѣдѣній". Рѣшеніе было принято при общем "недоумѣніи и растерянности" Шансыреву), в начинавшемся хаосѣ, под угрозой выступленія "тридцатитысячной" толпы, которую подсчитал Шульгин, и которая требовала, чтобы Дума взяла власть в свои руки, под крики и бряцаніе оружія вошедшей в Таврической дворец солдатской толпы, прорвавшей обычный думскій караул, при чем начальник караула был ранен выстрѣлом из толпы. (В изображеніи Мансырева, не совпадающем с впечатлѣніями Ичаса, беспорядочные разговоры о думском комитетѣ закончились при опустѣвшем уже залѣ). Впечатлѣніе явно преувеличенное. Гипноз мифической "тридцатитысячной толпы" сказался и в послѣдующих исторических интерпретаціях, когда, напр., Чернов повѣствует, как "чуть ли не десятки тысяч со всѣх сторон" устремились в Гос. Думу, узнав о разгонѣ Думы и ея отказѣ подчиниться. Это было довольно далеко от того, что было в первый день революціи, когда разношерстная уличная толпа с преобладаніем отбившихся от казарм солдатских групп и групп студенческой и рабочей молодежи стала постепенно проникать и заполнять думское помѣщеніе. На первый день переносится впечатлѣніе от послѣдующих дней,

